

ИСКУССТВО

ЖУРНАЛ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК

№ 2

МОСКВА — 1925

В. Я. БРЮСОВ

Воспоминания 1900—1907 гг.

Тем юным, кто родился в начале XX-го века, трудно представить себе, какова была Москва накануне Японской войны. Какая была в ней патриархальная жизнь, тишина и безмятежность! Правительство снисходительно терпело либерализм «Русских Ведомостей». Это была форточка, чтобы граждане не задохнулись от фимиама, воскрешаемого царизму московскою прессою, официально и уличною. Натуральной реакцией на косность упрямого самодержавия являлась мечта о парламенте. Литература была в положении петуха, которого гипнописер положил на стол, проведя перед его носом черту: журналист не смел повернуть головы, уставившись на одну тему. Эта единственная тема была конституция, о которой неустанно, хотя, конечно, иносказательно подтверждали либералы. Людей иной закваски было мало. Вот разве Толстой, который одиноко доживал свой век в Ясной Поляне. Это был человек иной эпохи. Правда, был еще Чехов. Как правительство «терпело» «Русские Ведомости», так либеральная интеллигенция терпела Чехова. Она ему также время от времени делала «предостережения», но остракизму не подвергала, ибо его художество, хотя и не отвечало на вопрос «что делать», все же было так пленительно, так вкрадчиво-лирично, так прозрачно и — главное — так ни к чему не обязывало, что либеральный обыватель позволял себе «любить» Чехова, мечтая вместе с его героями о том, что через «двести-триста лет» у нас что-то будет иное, — не то парламент, не то вся земля преобразится чудотворно.

И вот среди такой тишины и благонамеренности вдруг откуда-то пришла ватага декадентов. Они принесли с собою

яркие, пестрые знамена и дерзкие плакаты. На берегах Невы они появились раньше, но там они были задумчивее и строже. В северной столице поэты были философичнее москвичей и не очень заботились о школе. Москвичи, напротив, чувствовали себя боевым отрядом, и у них был вождь — Валерий Яковлевич Брюсов.

Чтобы представить себе впечатление от появления книг Брюсова, надо припомнить тогдашний московский быт.

Там, где теперь московский Совет Рабочих Депутатов, жил вел. кн. Сергей Александрович, которому молва приписывала пагубное влияние на его державного племянника. Дворец давно утратил связь с культурой и с населением. От этого дома веяло тоскою, и чувствовалось, что его обитатель обречен на гибель. По университету бродили педеля и сыщики, а либеральные профессора вяло волнодумствовали. В Тамблянин день в ресторанах прятали подальше хорошую посуду, скатерти и вино. Это было предусмотрительно, ибо в этот день население так называемой Козихи и обеих Бронных выходило с песнями на улицу, славя мнимую студенческую волноту. Молодые люди устремлялись в Эрмитаж, а потом в Яр, в Спирельну. Там пили водку и пиво. На стол влезал седовласый либерал в длинном похоронном сюртуке и произносил речь, уверяя многозначительно, что после «зимы» бывает «весна». Но Тамблянин день проходил без всяких последствий. Продолжалась обычная жизнь: барышни читали Надсона, студенты Михайловского... Иногда наоборот. В Малом Театре изумительные актеры играли почему-то пошлейшие пьесы, редко позволяя себе выступать в классическом репертуаре. Чувствовалось, что песенка Малого Театра спета. Явился соперник — Художественный. Здесь, в скучном сером зале зрители замирали в сладостном созерцании того, как на сцене изображалась эта самая обывательская скука. Это был воистину Чеховский театр. После спектакля, у кого были деньги, ехали в „Прагу“, где лакеи почтительно изгибались, ставя на стол кофетку маршала. Слов „гражданин“ и „товарищ“ в обиходе не было вовсе, а если бы кто-нибудь сказал, что на крыше Кремлевского дворца в недалеком будущем водрузят красный флаг, чудака повезли бы в больницу для душевно-больных.

Искусство ютилось по салонам. В Москве были свои Меци, свои меценаты. Впоследствии они стали покупать декадентские картины, а тогда еще они побаивались «нового» искусства. Любили задушевность во вкусе Левитана. Одним из тогдашних литературных салонов был салон В. А. Морозовой. В ее доме на Воздвиженке читали доклады и устраивались

беседы. Этот салон посещали: И. И. Иванов, В. Е. Ермилов, Н. Е. Эфрос, С. Г. Кара-Мурза, сотрудники „Русских Ведомостей“, бывали здесь изредка А. П. Чехов, В. Г. Короленко, кое-кто из художников, иные из актеров и несколько студентов, начинавших работать в тех же „Русских Ведомостях“ и в „Курьере“, где впервые были напечатаны рассказы Леонида Андреева, А. М. Ремизова и мои.

Вот в этом салоне В. А. Морозовой в 1900 году я вызвал сенсацию своим докладом о книге Брюсова *Tertia Vigilia*. Валерий Яковлевич присутствовал на этом докладе. Тогда знали стихотворение Брюсова в одну строчку „О, закрой твои бледные ноги“... Больше ничего не помнили из его стихов.

Осмеянный критиками, как автор книжечек „Chefs d'Oeuvre“ и „Me eum esse“, Брюсов был для интеллигентов *bête noire*. Самое неприятное было то, что и Владимир Соловьев, не только философ, но и сам поэт-символист, дважды высмеял сборники „Русские Символисты“, где первое место занимал Брюсов.

Насколько я припоминаю, сборник „*Tertia Vigilia*“ мне принес в первый раз небезызвестный ныне профессор А. С. Яценко, о котором Брюсов упоминает в письме ко мне из Парижа от 8 мая 1903 года. Про Яценко Брюсов писал тогда: „Он полюбился мне еще больше с тех пор, как я узнал его здесь“... Они оба страдали „географическим патриотизмом“, как впоследствии признавался Брюсов, что им не мешало, конечно, вместе восхищаться Парижем, городом „для всех“. В 1900 году мы с Яценко были студентами — он на четвертом курсе, а я на втором. Нам обоим нравился Бодлер, и естественно, что книга Брюсова показалась нам интересною. Я взялся писать о Брюсове доклад, соблазненный отчасти желанием подразнить буржуа. В первый раз я читал его в одном частном доме, куда был приглашен Брюсов и, кажется, Балтрушайтис. Валерий Яковлевич, повидимому, не ожидал такой сочувственной оценки его стихов, а его спутница воскликнула даже с прогательной экспансивностью: „Так еще нас никто не хвалил“!

Когда я повторил этот доклад у Морозовой, Брюсов, подготовленный к этому выступлению, объявил, что недоволен моим сообщением: я хвалил „не лучшие его стихи“ и еще что-то в этом роде. Однако, у нас установилась тогда взаимная дружба.

Среди московских меценатов наиболее просвещенным и тонким был С. А. Поляков. Он был издателем „Скорпиона“; он впоследствии устроил журнал „Весы“. Воистину, не будь его, литературный путь Брюсова был бы путем кремнистым. За

Комментарий

Чулков Георгий Иванович (1879–1940) – поэт и беллетрист, переводчик, литературный критик. Получив гимназическое обучение, в 1898 году поступил на медицинский факультет Московского университета, который не окончил. В университете он вступил в «Исполнительный комитет объединённых землячеств и организаций», объединявшей революционно настроенных студентов, и в 1902 году был арестован и получил четыре года ссылки в Якутскую область, – в Амгу. В 1903 году был амнистирован и жил в Нижнем Новгороде под полицейским надзором. В 1904 году переехал в Петербург, где выпустил свой первый сборник рассказов «Кремнистый путь» (его первый рассказ был напечатан ещё до ссылки в 1899 году в газете «Курьер»).

В 1930 году опубликовал мемуары «Годы странствий», вызвавшие обвинения в преувеличении собственной роли в истории. Впоследствии занимался изучением жизни и творчества Тютчева: он был автором, многочисленных статей, посвящённых поэту, издателем многих его произведений, в том числе архивных, составлял комментарии к его произведениям. Также издал книги о творчестве Пушкина и Достоевского – «Жизнь Пушкина» (1938) и «Как работал Достоевский» (1939).

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924) – поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, литературный критик и историк. Теоретик и один из основоположников русского символизма.

Кара-Мурза Сергей Георгиевич (1878–1956) – журналист, юрист по образованию (окончил юридический факультет Московского университета в 1903 г.), мемуарист. В 1900 году принимал участие в составлении «Галереи русских писателей», изданной в Москве С. Скимунтом под редакцией И. Игнатова, для которой написал более 25 литературных характеристик.

Морозова (урожд. Хлудова) Варвара Алексеевна (1848–1917) – российская предпринимательница, общественная деятельница, благотворительница. В своём доме на Воздвиженке, построенном в 1886 году по проекту Р. И. Клейна, Морозова открыла литературный салон.

Иванов Иван Иванович (1862–1929) – историк западноевропейской литературы и театра. Доктор всеобщей истории.

Эфрос Николай Ефимович (при рожд. Нохум Хаимович) (1867–1923) – русский театальный критик, журналист, редактор, сценарист и драматург, кинокритик, переводчик, историк театра.

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – русский писатель, общественный деятель. Познакомился и начал переписку с Чеховым в 1887 году.